МАРТА ЛИВНЕВА

Мы ещё не чужие

Марта Ливнева

Мы еще не чужие

«Автор»
2026

Ливнева М.

Мы еще не чужие / М. Ливнева — «Автор», 2026

Кира собиралась сказать мужу, что уходит. Квартира уже снята, вещи собраны — осталось пережить последний совместный ужин. Но звонок в дверь меняет её планы. На пороге стоит семнадцатилетняя Варя, дочь Романа, о которой Кира ничего не знала.Девочка родилась задолго до их знакомства. Однако Роман узнал о ней ещё летом — и несколько месяцев скрывал правду от жены.После одиннадцати лет вместе Кира больше не понимает, кому доверяла. Она переезжает, возвращается к собственным творческим планам и пытается разобраться, чего хочет сама. Роман учится быть отцом и слышать тех, за кого привык всё решать.Между ними остаются обиды, нежность и слишком много несказанного. Хватит ли этого, чтобы попробовать снова? Психологическая повесть о семейном кризисе, доверии и втором шансе.

© Ливнева М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖАЯ ЗА СТОЛОМ 5
Глава 1. Ужин, который не закончился 5
Глава 2. Чужой дом 10
Глава 3. То, о чём не договорились 15
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВСЁ, ЧТО МЫ НЕ СКАЗАЛИ 18
Глава 4. Воскресенье в пять 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Марта Ливнева
Мы еще не чужие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖАЯ ЗА СТОЛОМ

Глава 1. Ужин, который не закончился

Кира купила шампиньоны, хотя Роман больше любил мясо. Когда-то он говорил, что грибной пирог пахнет её студенческими годами: дешёвым сыром, мокрыми шарфами и той маленькой кухней, где на подоконнике вместо цветов лежали плёнки для фотоаппарата. Кира помнила эту фразу. Шампиньоны зашипели на сковороде; она выключила огонь слишком рано, и начинка осталась водянистой.

Тесто размокло по краям. Она поставила форму обратно в духовку на пять минут, в третий раз протёрла стол и посмотрела на экран телефона. В переписке с хозяйкой квартиры было написано: «Ключи можно забрать в субботу, залог получила». На сообщение Кира ответила ещё утром. Роману она не сказала ни о квартире, ни о том, что уже две недели складывает вещи в сумки и прячет их в багажнике.

Она вспомнила про сумку с зимними свитерами, спрятанную в багажнике. Ничего незаконного — и всё-таки она всякий раз оглядывалась, прежде чем открыть машину.

На часах без семи восемь. Роман обещал приехать к половине седьмого. Он ничего не написал. Кира не стала звонить: слишком хорошо знала, как он ответит. «В работе. Не могу сейчас». Не грубо, не раздражённо. Голосом человека, который объясняет очевидное.

Она поправила две вилки параллельно кромке салфеток. Красивыми тарелками они пользовались раз в год, когда приходили гости. Одна тарелка была с маленьким сколом, почти незаметным. Кира поставила её себе. Когда-то она без раздумий отдала бы такую Роману и они посмеялись бы, что у него особая, авторская. Теперь ей не хотелось даже объяснять, почему она выбрала именно эту.

За окном ноябрь высвечивал мокрые крыши. Во дворе подростки гоняли мяч и ругались на лужи. На соседнем балконе кто-то вешал гирлянду. Кира подумала, что скоро снова будет декабрь и снова придётся решать, где они проведут Новый год. О декабре Кира решила не думать. На плите булькнула кастрюля, оставленная с утра. Она так и не убрала её.

В восемь четырнадцать щёлкнул замок.

— Прости, — сказал Роман из прихожей. — На складе пересортица. Пока разобрались, пока протоколы…

Он вошёл с пакетом из круглосуточного магазина, снял ботинки, поставил пакет в коридоре.

— Купил хлеб. Ты говорила, закончился.

Кира не говорила. Хлеб закончился три дня назад. Она просто оставила на виду пустую хлебницу.

— Спасибо.

— Какой запах. Ты пирог сделала?

— Да.

Он поцеловал её в висок. В кармане завибрировал телефон, и Роман уже смотрел на экран. Кира смотрела, как его большой палец быстро перемещается по экрану. На нём было маленькое белое пятно от недавнего ожога: неделю назад он пытался починить кофеварку и

обжёгся о трубку. Раньше она непременно взяла бы его руку, рассмотрела ожог, спросила, болит ли. Сейчас подумала только, что не знает, успел ли он сходить за мазью.

— Поедим? — спросила она.

— Конечно. Дай минуту.

Он помыл руки, вернулся и сел напротив. Выложил телефон экраном вверх. Кира перевернула свой экраном вниз. Роман этого не заметил.

— А у тебя как день? — спросил он, пробуя пирог.

Она удивилась. Вопрос прозвучал почти по-старому.

— Я была у фотографа Ковалёвой. Смотрела печать для выставки.

— А. Это та девушка из музея?

— Дарья. Я тебе рассказывала.

— Да, точно. Хорошо?

— Возможно, мне предложат участвовать в проекте.

— Отлично. Будешь снова снимать?

«Снова». Кира работала с фотографией почти каждый день — снимала каталог, заказы магазинов, иногда частные портреты. Но Роман называл работой только то, что приносило регулярную зарплату. Остальное было «снова снимать».

— Посмотрим, — сказала она.

Он быстро кивнул, словно тема закончилась. Взял ещё пирога.

Она наблюдала за ним и пыталась понять, что скажет вначале. «Я сняла квартиру»? «Нам надо пожить отдельно»? «Я перестала ждать, что ты вернёшься»? Последнее было слишком красивым, как надпись под фотографией. Реальная жизнь нуждалась в простых предложениях, а простых она не находила.

— Рома, — начала Кира. — Нам нужно поговорить.

Он перестал жевать. Положил вилку. И впервые за весь вечер посмотрел на неё внимательно.

— Мне тоже, — сказал он. — Я давно собирался.

От неожиданности она даже испытала облегчение. Может быть, ей не придётся одной произносить слова, за которыми не будет дороги назад.

Зазвонил дверной звонок.

Они переглянулись.

— Ты кого-то ждёшь? — спросила Кира.

— Нет.

Роман поднялся. В прихожей послышалось, как он поворачивает ключ, затем короткая тишина, не похожая на паузу перед обычным «здравствуйте».

Кира вышла из кухни.

В дверях стояла девушка лет шестнадцати-семнадцати. В короткой куртке, с потёртым рюкзаком, прижатым к груди, как щит. На мокрых волосах осел снежный дождь. Девушка посмотрела на Романа, затем на Киру. Лицо у неё было узкое, подбородок упрямый. И глаза — в точности его, когда он пытался скрыть страх.

— Я могу войти? — спросила она.

Роман не ответил.

Кира впервые за долгое время увидела, что у него нет ни плана, ни подходящих слов.

— Рома, — тихо спросила она, — кто это?

Он сделал вдох. Девушка опередила его:

— Я Варя. Он знает, кто я.

И только после этих слов Роман отступил с порога.

* * *

Варя сняла ботинки, прежде чем кто-либо попросил. Аккуратно поставила их рядом с мужниными, сдернула мокрую куртку и повесила на крючок, который Кира обычно занимала своим пальто. Всё делала быстро и неловко, словно хотела показать, что правила в чужом доме ей понятны, и одновременно не хотела оставаться в этом доме ни одной лишней секунды.

— Садись, — сказала Кира.

— Я не голодная.

— Я предложила сесть.

Варя вздрогнула, но прошла на кухню. Роман зашёл последним. Он не убрал со стола тарелки, не отнёс хлеб обратно, только подтянул к себе стул и остался стоять.

— Кира, — начал он, — мне нужно тебе объяснить.

— Тогда объясняй.

— Варя моя дочь.

Кира не поняла слово «дочь» сразу. Роман сказал его, и она зачем-то посмотрела на Варину куртку в прихожей: вода с подола капала на коврик. Потом выдвинула стул, но села мимо края и ударилась бедром о стол.

— Сколько тебе лет? — спросила Кира у девушки.

— Семнадцать. В феврале восемнадцать.

— Твой отец и я вместе одиннадцать лет.

— Я знаю математику, — отрезала Варя и тут же прикусила губу. — Извините.

Роман сделал движение к ней.

— Не надо, — сказала Варя. — Ты мне не сможешь сейчас помочь.

Кира налила воду. Стеклянный кувшин задрожал у неё в руке; она поставила его на стол, не разливая, но изо всех сил желая разлить. Повседневная аккуратность вдруг показалась унизительной.

— Ребёнок родился до нашего знакомства, — сказал Роман. — Это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю, Рома?

Он опустил голову. В его компании, где он руководил диспетчерской службой большой транспортной фирмы, было принято говорить быстро и по пунктам. Дома эта привычка иногда помогала: при потопе, поломке котла, перепутанных счетах. Сейчас она сделала его беспомощным.

— Я узнал о Варе летом. В июле. До этого не знал.

— А сейчас ноябрь.

— Да.

— Почему она у нас?

Варя с силой поставила стакан.

— Потому что он четыре раза сказал, что расскажет. Сначала в августе. Потом в сентябре. Потом после осенних каникул. И сегодня он написал, что опять не сможет приехать. Я приехала сама. Нельзя человека всё время откладывать, как запись к зубному.

У Киры мелькнула странная мысль: девочка могла бы назвать точные даты всех четырёх обещаний. Не потому, что была взрослой, а потому, что подростки записывают особенно больно задетые вещи с почти бухгалтерской точностью.

— Твоя мама знает, что ты здесь? — спросила Кира.

— Я ей написала. Она позвонит через… — Варя достала телефон. — Уже звонит.

Они молча слушали разговор.

— Я не собираюсь жить здесь. Мам, ну не ори. Я добралась, всё. Нет, он меня не забирал. Потому что я не просила, вот почему. Подожди, здесь всё слышно…

Варя вышла в коридор. Кира медленно села.

— Четыре месяца, — сказала она.

— Я боялся, что ты подумаешь…

— Не смей заканчивать эту фразу за меня.

Он закрыл рот.

— Ты встречался с ней?

— Три раза. Первый раз в кафе. Потом ездил к ней на концерт. В октябре помог с ноутбуком.

— Ты ездил на концерт? В какой день?

Роман замялся.

Кира поняла прежде, чем он ответил. Пятнадцатое сентября. День, когда он отменил их поездку к её матери, потому что «не могли отпустить с работы». Она сама тогда поехала на электричке, тащила пакет с яблоками и слушала, как мама осторожно спрашивает, всё ли у них с Ромой хорошо.

— Пятнадцатого, — сказал он.

— Так.

— Кира, я не хотел тебе лгать.

— Но ты лгал.

— Да.

Роман сказал «да» и потянулся к стакану. Не донёс его до губ. Кира зачем-то посмотрела на часы над холодильником: без четверти десять.

Варя вернулась. Лицо у неё было красное, но глаза сухие.

— Мама приедет завтра утром. Сейчас последний поезд уже ушёл. Она сказала, если вы не против, я могу переночевать. Если против — снимет гостиницу, и я поеду туда.

Кира представила девушку одну в незнакомой гостинице. Потом представила, как Роман везёт её туда, заполняет бланки и пытается объяснить администратору, почему несовершеннолетняя дочь появилась внезапно. Все эти мысли существовали отдельно от того, что происходило с её собственным браком.

— У нас есть маленькая комната с диваном, — сказала Кира. — Оставайся. Утром мама тебя заберёт.

— Спасибо.

— Хорошо, что ты доехала. Вообще-то надо было предупредить мать до поезда, а не из вагона.

Варя посмотрела недоверчиво.

— Просто теперь все меня ненавидят.

— Нет, — ответила Кира. — Не все.

Она провела девушку в гостевую, принесла чистое бельё, показала, где ванная.

У гостевой не было настоящего назначения. Когда-то Кира мечтала сделать там кабинет, потом комната превратилась в склад коробок, старых рам и раскладного дивана. Она торопливо убрала с подушки стопку журналов. Варя поставила рюкзак под стол, оглядел фотографии в рамках.

— Это вы снимали? — спросила она, указывая на чёрно-белый портрет Романа.

— Я. Давно.

— Он там совсем другой.

— Тогда ему было тридцать два.

— А мне десять, — сказала Варя и сразу поняла, что разговор становится неловким. — Ну, в тот год. Я просто считаю.

Кира передала ей наволочку. Девочка попыталась натянуть её на подушку, перепутала углы и тихо выругалась себе под нос. Кира не стала поправлять. Так они некоторое время стояли рядом и молча справлялись с бельём. Когда подушка наконец поместилась, Варя села на край дивана.

— В автобусе я думала, что он откроет и скажет: «Ты зачем приехала?» — произнесла она. — Я даже придумала, что отвечу. Что мне восемнадцать почти и я не вещь, которую можно не показывать людям. А когда дверь открылась, всё забыла.

— У тебя на весь разговор был готов ответ? — спросила Кира.

— На начало. Дальше я рассчитывала импровизировать.

— Вы теперь на меня смотрите и видите его ложь?

Вопрос был настолько прямым, что Кира не сразу нашла ответ.

— Я пока плохо соображаю, Варя. Знаю только, что мне на тебя злиться не за что.

Варя посмотрела на свои кроссовки, мокрые на носках.

— А вы хотели детей?

Кира почувствовала, как у неё дёрнулись плечи. Дома этот вопрос никто не произносил годами. А теперь его задала незнакомая девочка, почти взрослая, и слова прозвучали без злого намерения.

— Мы с Романом об этом не договорились, — ответила она. — Это сложно объяснить.

— Мне мама так и говорила про взрослые дела: «сложно объяснить». Обычно это значило «мне самой неприятно думать».

— Возможно, ты права. Но сейчас я правда не хочу обсуждать это.

— Ладно. — Варя подвинула рюкзак носком. — Можете закрыть дверь? Я маме ещё раз позвоню.

Кира кивнула. Выходя, она услышала, как девочка быстро набирает номер и говорит в трубку совсем другим голосом: «Мам, да нормально. Нет, я не реву». Ни одна взрослость не отменяла этой интонации, обращённой к матери, которая где-то далеко не спала и ждала звонка.

Роман пытался заговорить с дочерью, но та захлопнула дверь не резко, а очень тихо. Так делают люди, которые не хотят давать другим повод назвать их скандальными.

Когда Кира вернулась на кухню, муж стоял у раковины, держа её тарелку со сколом.

— Оставь, — сказала она.

— Я хотел помыть.

— Оставь тарелку. Пожалуйста.

Он поставил её.

Кира открыла шкаф, достала небольшую дорожную сумку и положила туда зарядку, зубную щётку, бельё. Свою квартиру она ещё не получила, поэтому написала Оле, старой подруге: «Можно у тебя переночевать? Не хочу объяснять сейчас». Оля ответила: «Приезжай».

Роман следил за её действиями.

— Ты уходишь?

— На сегодня.

— Мы можем хотя бы поговорить?

— Могли. Четыре месяца.

Его лицо дёрнулось, и Кира впервые за вечер пожалела его. Не настолько, чтобы остаться.

В прихожей она надела пальто и нашла на тумбе книгу, которую всё откладывала вернуть в библиотеку. Положила в сумку, сама не понимая зачем.

— Я тебя люблю, — сказал Роман.

Кира держала руку на дверной ручке.

— Не сейчас, Рома.

Он шагнул к ней, и Кира заметила у него на свитере засохшую крошку от пирога. Хотела стряхнуть — движение было настолько привычным, что рука уже поднялась. Вместо этого она повернула ключ. В коридоре остался свет.

Глава 2. Чужой дом

У Оли было очень тепло. На подоконнике росла мята, на холодильнике висели детские рисунки, хотя её сыну давно исполнилось двенадцать и он уже рисовал только схемы сборки роботов. Оля выдала Кире мягкие штаны, полотенце и сказала, что не станет ни о чём спрашивать. Продержалась минут семь.

— Ты его поймала на измене?

— Нет.

— Слава богу. Хотя судя по твоему виду, лучше бы поймала.

Оля могла себе позволить такие фразы. Они познакомились на первом курсе, вместе клеили объявления о фотолаборатории на холодной стене общежития и однажды семь часов просидели на лестнице, потому что потеряли оба комплекта ключей. Тогда они считали, что взрослая жизнь состоит из поездок на море и правильного выбора размера обуви.

Гриша, Олин сын, вышел из своей комнаты, услышав незнакомый голос. На нём были слишком короткие домашние штаны и футболка с роботом, у которого отвалилась рука. Он с сомнением посмотрел на гостью.

— Ты у нас надолго?

— Пока не знаю.

— Только на диване не оставляй телефон. Там подушка проваливается и всё попадает внутрь. Я две недели искал наушник.

— Спасибо за предупреждение.

— Он ещё спрашивает разрешения на каждый стакан сока, — сказала Оля. — Но за порядок в доме отвечает как домоуправ.

Гриша хмыкнул, достал из холодильника йогурт и исчез. Через минуту вернулся с маленьким пластиковым шасси.

— Кир, ты фотограф. Можешь снять мою модель для конкурса? Только чтобы не видно было клея. Я много налил, теперь некрасиво.

Оля подняла руку:

— Гриша, она сейчас не может.

Кира чуть не сказала, что, конечно, снимет. Прежняя привычка соглашаться на всё полезное уже сработала. Но она увидела, что ребёнок спокойно ждёт ответа, и произнесла:

— Сегодня не могу. Завтра днём, если будет светло, давай попробуем.

— Окей, — сказал Гриша и ушёл, ничуть не разочаровавшись.

Кира посмотрела ему вслед. Гриша уже гремел в комнате деталями, словно отказа и не было. Оля поставила перед ней чашку:

— Только ты этому инженеру завтра ничего не обещай на пятницу, — сказала Оля. — У меня в пятницу смена, Гришке надо самому свои колёса клеить.

— Не начинай.

— Не буду. Только помни: тут мы тоже люди. Я рада, что ты приехала, но завтра мне на работу к восьми и выслушивать всю ночь историю вашего брака я не смогу.

Оля убрала со стола хлеб и сунула в посудомойку ложки. Из детской донеслось: «Ма, интернет опять отвалился!» Она выругалась себе под нос, пошла перезагружать роутер. Кира осталась с остывающим чаем.

Кира рассказала о Варе. Оля слушала, не перебивая. Только однажды спросила, сколько лет девочке.

— Семнадцать.

— То есть не измена.

— Я поняла.

— Я не оправдываю его. Просто хочу понять, с чем мы имеем дело.

— С мужем, который месяцами смотрел мне в глаза и рассказывал, что у него совещание, когда ездил к дочери. Один раз я даже злилась, что он не взял выходной. А он уже взял его — просто не для меня.

Оля долго размешивала сахар в чашке, хотя всегда пила чай без сахара.

— Ты же собиралась уходить до этого?

Кира посмотрела на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Ты три недели спрашивала, можно ли жить одной на сорок тысяч в месяц. Не ради интереса же.

Кира улыбнулась, а потом неожиданно заплакала. Не громко, без всхлипов. Слёзы появились сами, будто весь вечер ждали разрешения.

— Я так долго готовилась сказать ему, что всё, — произнесла она. — Репетировала в машине. Думала, как он разозлится, как станет спорить. А теперь получается, что я вообще не главная в этой истории.

— Ты можешь хотя бы сегодня не решать, развод это или нет? — спросила Оля. — Я завтра к восьми на смену, а ты всё равно сейчас ничего не подпишешь.

Ночью Кира лежала на диване и думала о первой квартире, которую они с Романом снимали после свадьбы. Хозяин запрещал вешать фотографии на стены. Тогда они приклеивали распечатки к дверцам шкафа малярной лентой. На одной фотографии Роман спал в электричке, уткнувшись в её плечо. На другой они стояли на берегу реки, мокрые после дождя, и смеялись чему-то совершенно неважному.

В той квартире было холодно. Они спали под двумя одеялами и спорили из-за носков, разбросанных по полу. Ни один из них не казался Кире тогда незнакомым.

Телефон загорелся в три часа ночи. «Варя легла. Её мама будет к девяти. Я дома. Извини». Кира прочитала сообщение и не ответила. Она набрала: «Поговорим завтра» — и стёрла. Написала: «Мне нужно время».

Потом открыла электронное письмо, которое перечитывала третий день. «Кира, ваши снимки мастерских нас заинтересовали. Предлагаем встретиться и обсудить участие в передвижной выставке. Приём заявок на двухмесячную резиденцию завершается двадцать четвёртого декабря». Подпись: Дарья Ковалёва, куратор городской фотопрограммы.

Она давно мечтала о проекте, в котором фотография будет не картинкой для каталога, а способом заметить людей. Снимала маленькие мастерские, в которые заходили только по необходимости: чинить обувь, править ножи, перетянуть старый диван. Её привлекало то, как люди держались за дело, которое город понемногу переставал замечать.

Взяв блокнот, она впервые за ночь записала не слова для разговора с мужем, а список кадров, которые хотела сделать до понедельника. Переплётная мастерская на Набережной. Ателье возле рынка. Пекарня у вокзала, где хозяйка до сих пор вывешивала цену мелом.

Кира работала почти час.

Наутро Оля проснулась раньше будильника: Гриша обнаружил, что не доделал презентацию к школьному конкурсу. Он ходил из комнаты в комнату с зарядным шнуром, как с хвостом, требовал, чтобы ему распечатали чертёж и одновременно не трогали ничего в его проекте. Оля сначала спокойно просила не шуметь, потом рявкнула: «Ты мог вспомнить об этом вчера!»

Гриша захлопнул дверь. С кухни было слышно, как он чихает за стеной.

— Великолепное утро, — сказала Оля, засовывая в термокружку пакетик чая. — Вот тебе пример счастливой семьи. Ругаемся до завтрака.

— Тебе помочь с чертежом? — спросила Кира.

— Если он сам попросит. Меня уже два раза выгнали из его проекта. Кстати, я не то чтобы мечтала сегодня выслушивать про твоего мужа. Но если начнёшь, выслушаю. Минут двадцать, пока греется машина.

Кира попыталась улыбнуться. Вместо разговора пошла в ванную и выстирала рукав свитера, испачканный пирогом. У Оли в раковине текла горячая вода. В их с Романом квартире кран давно барахлил, но он обещал вызвать сантехника после квартального отчёта.

В коридоре Гриша молча протянул ей своё шасси. Клей застыл неровной белой бахромой.

— Сфоткаешь? Сегодня можно?

Кира нашла место возле окна. Гриша сам придвинул лампу и потребовал, чтобы колесо на снимке выглядело больше. Съёмка заняла пятнадцать минут. Он поблагодарил её и тут же начал спорить с матерью из-за забытого завтрака. Никому здесь не удавалось быть разумным всё время.

Когда Оля уехала, Кира ещё немного поспала.

Перед уходом Оля успела спросить, заберёт ли она вещи. Кира сказала, что пока возьмёт только одежду на неделю. Свою новую квартиру она сможет открыть в субботу. Несколько дней казались сейчас разумным сроком. Дальше будущего хватало только до вечера.

По дороге к дому Кира остановилась у продуктового. В стекле отражалась её фигура, слегка сутулая от сумки. На витрине крупно обещали: «Всё для семейного ужина». Она поймала себя на том, что ищет взглядом знакомый пирог, и рассердилась: даже магазин умел напоминать ей о том, откуда она ушла.

* * *

Женщина в светлом непромокаемом плаще вышла из подъезда, когда Кира подходила к двери. У неё были тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, и лицо человека, который много часов провёл в дороге и не собирается этого скрывать. Рядом шла Варя с рюкзаком. Роман нёс её спортивную сумку.

— Вы Кира? — спросила женщина.

— Да.

— Олеся. Мама Вари. Мне очень неловко, что так вышло.

Кира ждала, что почувствует ревность. Вместо неё появилась бессмысленная необходимость оправдаться перед этой чужой женщиной за чужой поступок.

— Не вам извиняться, — сказала она.

Олеся держала в руке телефон с трещиной поперёк экрана. Пока они обменивались именами, ей дважды звонили из поликлиники. Она сбросила вызов, но на третий ответила.

— Нет, сегодня не выйду. Я в другом городе. Запишите на приём к терапевту, у меня процедурный кабинет не резиновый… Да, знаю, что у вас медсестра заболела. И я знаю, что люди сидят в очереди. Завтра к семи буду.

Она отключилась, остро поморщилась и только потом снова посмотрела на Киру.

— Извините. Поехала за дочкой, а теперь ещё и смену перестраивают.

— Вам далеко обратно?

— Два часа. Если она согласится уехать сейчас.

— Мам, я стою рядом, — сказала Варя. — Согласится она. Мне вообще на монтаж надо.

Олеся посмотрела на Романа. Тот опустил сумку на ступеньку.

— Я не думала, что она приедет одна, — сказала Олеся. — Хотя должна была догадаться.

— Мам, я здесь, — напомнила Варя.

— Вижу, — ответила мать. — Мы по дороге это уже обсуждали.

Между ними мелькнула привычная колкость, в которой было больше близости, чем в любых объятиях. Варя откинула голову, как делала Кира в семнадцать, когда мать просила надеть шапку. Кира перевела взгляд на промокшие рукава пальто Олеси.

— Можно с вами поговорить? — спросила Олеся у Киры. — Минуту.

Роман начал: «Я могу…» — но обе женщины одновременно сказали «нет». Он отступил. Варя отвернулась к машине, скрывая улыбку.

Они отошли к скамейке. Ноябрьский ветер поднимал с асфальта влажные листья.

— Рома не знал о Варе до этого лета, — сказала Олеся. — Это правда. Я не ищу оправданий себе, но много лет назад не хотела ничего от него. Мы были очень молодыми, расстались ещё до того, как я узнала о беременности. Я думала, что справлюсь и не буду никого тянуть в жизнь, которую он не выбирал. Потом нужно было рассказать, а я всё откладывала.

— Он знал, где вас искать?

— Нет. Письма вернулись бы в его старую квартиру, если бы я тогда решилась. Сейчас Варя сама нашла его через знакомых. Она сказала мне сначала, потом ему. И я поняла, что не имею права снова решать за неё.

Кира кивнула. В рассказе Олеси не было просьбы о сочувствии. Скорее усталость от того, что давняя ошибка оказалась живой и выросла до семнадцати лет.

— Я не собиралась делать из Вари семейную тайну, — сказала Олеся после паузы. — Сначала думала, что скажу Роману после родов. Потом девочка заболела, я работала в две смены. Он уже жил в другом городе, у него была другая жизнь. Чем дольше не говорила, тем труднее было объяснить, почему не сказала раньше.

— Варя знала, что у неё есть отец?

— Конечно. Я никогда не говорила, что он погиб или бросил нас. Сначала объясняла, что мы расстались до её рождения и он о ней не знает. Когда ей было четырнадцать, она начала спрашивать, почему я ничего не делаю, чтобы он узнал. Я сердилась. Говорила: «Тебе меня недостаточно?» Это было плохо с моей стороны. Она ведь не замену матери искала.

Олеся достала из кармана перчатки, вывернула одну наизнанку и снова расправила.

— Я не знаю, каким он будет отцом. Но я больше не хочу, чтобы она думала, будто должна выбирать между нами. Вчера я на неё наорала из-за поезда. А потом всю ночь лежала и представляла, что было бы, если бы она не добралась. Сегодня на вокзале сказала ей: давай придумаем, как встречаться с ним без таких поездок. Она ответила: «Вот и придумай, ты же взрослый человек».

Кира неожиданно улыбнулась.

— Звучит убедительно.

— Очень. Особенно после того, как сама купила билет не на тот вагон и полдороги искала своё место. — Олеся тоже улыбнулась, но быстро посерьёзнела. — Я заберу её сейчас, — сказала Олеся. — Но приезжать она будет, похоже, ещё. С Романом я расписание согласую отдельно. Если он снова отменит поездку за час, разбираться буду я. Вы тут ни при чём.

— Я понимаю.

Олеся посмотрела на экран: на нём мигал пропущенный вызов с работы. — Простите. Мне в поликлинику ещё заехать надо, там дежурная попросила поменяться. И всё сегодня не вовремя.

— Рома не должен был скрывать от вас, — добавила Олеся. — Но я хочу, чтобы вы знали: у Вари уже есть дом. Она не пришла занимать ваше место.

— Я не думаю, что пришла.

Олеся внимательно посмотрела на Киру и явно не поверила в спокойствие её голоса.

— Это хорошо. Но Варя думает. Она весь вчерашний вечер повторяла, что испортила вам жизнь.

Кира вспомнила, как девочка ставила стакан на стол.

— Скажите ей, чтобы в следующий раз звонила до того, как сядет на поезд. Мне вчера было страшно.

— Лучше вы сами. Она может не поверить мне.

Варя стояла у открытого багажника и спорила с Романом о зарядке. Он предлагал купить новую; она говорила, что потерянная зарядка лежит в боковом кармане, надо просто смотреть глазами. Олеся покачала головой. «Очень похожи», — произнесла она, и в её тоне было одновременно сожаление и нежность.

Перед отъездом Варя подошла к Кире.

— Спасибо, что вы меня пустили. Я не хотела делать всё так ужасно.

— Ты хотела, чтобы тебя услышали. В следующий раз лучше предупреди маму до поезда.

— Хорошо. Вы с ним теперь разведётесь?

Олеся резко позвала дочь, но Кира подняла ладонь.

— Не знаю, Варя. И это решаем мы с Романом, не ты.

— Понятно. — Девушка поправила лямку рюкзака. — Я просто не хочу, чтобы он решил, будто со мной одни проблемы, и пропал опять.

Кира неожиданно ответила честно:

— Ты не проблема. И если он пропадёт, это будет его решение, а не твоя вина.

Она видела, как Варя хотела ещё что-то спросить, но не стала. Села на заднее сиденье и помахала в окно уже из машины.

Роман остался у подъезда. Они стояли в двух метрах друг от друга, как незнакомые люди, которым нужно договориться, кто первым войдёт в лифт.

— Спасибо за вчера, — сказал он.

— Не надо благодарить меня за то, что я не выставила подростка на улицу.

— Я не это имел в виду.

— Знаю. — Кира устала от объяснений. — Я возьму часть вещей. Не заходи за мной.

Он не пошёл. Но когда она возвращалась с двумя сумками, держал подъездную дверь. Прежняя Кира назвала бы это вниманием. Сегодня она увидела только дверь, которую он обязан был не дать захлопнуться.

Глава 3. То, о чём не договорились

В мастерской часовщика не было места, чтобы поставить сумку. На табуретке лежали разобранные ходики, под табуреткой — коробка с ремешками, на подоконнике сушились маленькие чёрные винты на листке школьной тетради. Кира прижала рюкзак к ногам и пыталась поставить штатив так, чтобы никого не задеть.

— Откуда вы вообще узнали про меня? — спросил мастер, не поднимая глаз.

— Из объявления. «Ремонт часов всех систем». Я снимаю мастерские, которые ещё работают.

— Все системы — это я в молодости написал. Сейчас берусь не за всё.

Он отодвинул от себя часы с треснувшим стеклом, подтянул лампу. На бейдже значилось «Михаил Ильич». Бейдж был приколот к жилету булавкой; от него осталась ржавая точка.

— Лицо не надо, — сказал он. — И эту полку не снимайте. Там заказы людей, номера видны.

— Хорошо.

Она начала с рук. Пальцы у Михаила Ильича были тяжёлые, с узкими светлыми полосами от въевшегося масла. Пинцет лежал в них неожиданно спокойно. Кира сделала несколько кадров, приблизила изображение и поняла, что снимки получаются слишком аккуратными: рука, механизм, мягкий свет. Такие можно печатать на коробках с дорогими часами.

— А можно вас за работой у окна?

— Нельзя. Я там обедаю.

— Я не про обед, я про свет.

— А я про окно. Штатив провод перекроет. Люди входят — зацепятся.

Кира переставила штатив. Ножка стукнула о чугунную батарею. Михаил Ильич вздрогнул и уронил винтик; оба присели его искать. На полу были крошки хлеба, нитка и крошечная шайба, которую Кира сперва приняла за винтик.

— Вот он, — сказала она.

— Это от других часов. — Мастер вздохнул. — Не трогайте. Они у меня в кучке по годам лежат.

Ей захотелось уйти. Она пришла без завтрака, спала несколько часов на Олином диване, под левым глазом неприятно тянуло от недосыпа. В телефоне лежало сообщение Романа: «Какую коробку с обувью мне отвезти к твоей маме?» Кира не понимала, почему он решил, что её вещи нужно перевозить к матери. Она не ответила.

— Вы хотите, чтобы я ушла? — спросила Кира.

Михаил Ильич посмотрел на часы, потом на неё.

— Мне в двенадцать за лекарствами. До этого полчаса. Снимайте вон там, только заказы закройте газетой.

Она осталась. Попросила разрешения открыть дверь на улицу, чтобы впустить холодный дневной свет. Он проворчал, что все фотографы вечно мёрзнут ради красоты, но разрешил. Через несколько минут в мастерскую зашла женщина с детскими электронными часами. Михаил Ильич сказал, что экран не починить, зато можно заменить ремешок. Женщина спросила цену и тут же заспорила: на рынке новые часы стоят почти столько же. Мастер указал на бумажный прайс, поправленный красной ручкой. Кира опустила камеру. Люди не знали, что их могут снять, а устраивать спор о разрешении посреди другого спора ей не хотелось.

Когда женщина ушла, Михаил Ильич вдруг спросил:

— Вы эти снимки продавать будете?

— Попробую сделать выставку. Пока не знаю, получится ли.

— Тогда мне одну распечатайте. Здесь повешу, над календарём. Только такую, чтобы на столе порядок был.

— Это придётся другой стол найти.

Он посмотрел на неё недоверчиво и впервые усмехнулся.

На улице Кира обнаружила, что снимала почти полчаса и всё равно не получила хорошего портрета мастера. Зато у неё был кадр с газетой на полке, где под жирным заголовком из прошлого месяца торчали кончики чужих заказов, и кадр пустого стула, на котором хозяин сушил рукавицы. Она думала удалить оба. Вместо этого сохранила отдельно.

В фотомагазине спросили, на какой бумаге печатать для Михаила Ильича. Кира выбрала матовую, заплатила и поняла, что до конца недели сможет позволить себе только одну пачку фотобумаги, а для портфолио нужно минимум три. Придётся брать рекламную съёмку булочной, от которой она отказалась в прошлом месяце.

* * *

Когда Кира вернулась за оставшейся одеждой в общую квартиру, Романа дома не было. Она открыла шкаф и нашла под свитерами плоскую коробку со снимками. Сверху лежала фотография семилетней давности: двое на платформе, руки переплетены, сумки у ног. Она не помнила, кто их снял. На обороте Роман вывел дату крупными цифрами, как на товарной накладной.

В Москве ей тогда предложили стажировку. Он получил работу в другом городе. Она промолчала о письме до тех пор, пока сама не отказалась. Сейчас Кира видела на фотографии только собственные пальцы, вцепившиеся в его рукав; не вспомнить было, ждала ли она поезда с радостью или боялась передумать. Коробку она взяла с собой.

На холодильнике висела записка Романа: «Контейнеры забрать в пятницу. Какие твои?» Она вспомнила, что оставила ему накануне список мебели, которую не собиралась увозить. Из этого списка он, кажется, решил, что всё остальное обязан распределить сам.

Она отправила: «Контейнеры можешь оставить. Вещи к маме не вези. Я сама разберусь».

Он ответил почти сразу: «Понял. А где ты их будешь держать?»

Кира набрала «это не твоё дело», стёрла, написала: «Пока у Оли. В субботу заберу ключи». Перед отправкой подумала, что только что сама сообщила то, о чём собиралась говорить позже, и всё же нажала.

Роман позвонил. Она дала звонку закончиться. Потом пришло короткое: «Ты сняла квартиру?»

«Да».

Несколько минут экран не загорался. Кира спустилась с двумя сумками по лестнице, поставила их под козырёк, чтобы достать перчатки. Застёжка на рюкзаке заела. Она дёрнула, сломала язычок и с неожиданной яростью пнула собственную сумку.

Роман написал длинное сообщение ближе к полуночи. Он не обвинял её, перечислял месяцы, когда всё шло не так, и обещал найти способ исправить отношения. В конце спросил, могут ли они встретиться в воскресенье.

Кира перечитала сообщение, глядя на Олины тапочки под батареей. Сначала хотела написать, что разговаривать не о чем. Потом всё-таки ответила: «В пять. В „Пристани“. Я должна забрать квартиру в субботу, а в воскресенье буду свободна. Не присылай машину».

«Не собирался», — ответил Роман.

Она поморщилась. В его ответе слышалась обида, и отчасти он имел на неё право.

* * *

В четверг Дарья Ковалёва пригласила Киру в бывший цех, где готовила небольшую выставку о городских мастерских. Из окна тянуло сыростью; художники заклеили щель серым скотчем, который отходил по краям. Дарья стояла на коленях перед принтером, вытаскивала застрявшую бумагу.

— Если у вас есть предложение лечь на него всей тяжестью тела, я уже пробовала, — сказала она, не здороваясь. — Показывайте фотографии.

Кира разложила отпечатки. Дарья задержалась на кадре Михаила Ильича и приподняла верхний лист.

— Почему у вас на всех снимках руки такие чистые? Вы их просите помыть?

— Нет. Свет такой.

— Тогда смените свет. Или снимите, как он за обедом открывает консервную банку. Вы снимаете ремесленников так, будто их наняли рекламировать мастерство.

— Он не разрешает снимать обед. И лицо тоже.

— Прекрасно. Значит, у вас есть границы задачи. Придумайте, что можно сделать внутри них.

Дарья открыла электронную таблицу. Для выставки оплачивалась печать только шести кадров. Остальные — за свой счёт. Спонсор хотел «позитивный взгляд на городские профессии» и уже вернул куратору один вариант афиши с пометкой «мрачновато».

— А вам какой нужен? — спросила Кира.

— Мне нужен вариант, который мы сумеем показать и за который не будет стыдно. У меня директор ждёт смету к пяти, ребёнка из школы надо забрать в четыре. Поэтому давайте сразу: сможете съездить в Ярославль в январе на два месяца, если пройдёте конкурс?

Кира положила ладонь на край стола.

— Постараюсь.

— Это не ответ. Там комната бесплатная, материалы частично ваши, дорога ваша. Заявки до двадцать четвёртого декабря. Я могу дать вам ссылку, но не место.

— Я поеду, если пройду.

Дарья подняла глаза от сметы.

— Тогда не тратьте неделю на письмо о том, как сильно любите фотографию. Принесите пятнадцать кадров и скажите, почему человек на каждом из них согласился вам позировать. И ещё — кассовые чеки на печать сохраняйте, бухгалтерия их теряет.

Вечером Кира вышла из цеха под мокрый снег. На остановке она набрала Оле: «Есть шанс на резиденцию в Ярославле. Мне страшно за деньги». Оля ответила голосовым, в котором отчётливо слышались детские крики: «Деньги посчитаем. Сначала получи ответ».

Она почти написала Роману. Вместо этого достала чек за печать для часовщика, расправила влажный угол и сунула его в карман с паспортом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВСЁ, ЧТО МЫ НЕ СКАЗАЛИ

Глава 4. Воскресенье в пять

Кафе на набережной называлось «Пристань», хотя никакого причала поблизости не было. За десять лет хозяева трижды меняли вывеску и ни разу не меняли столы. Кира выбрала место у стены. Раньше они с Романом садились у окна, чтобы смотреть на реку. Сегодня ей не хотелось видеть их отражения рядом в стекле.

Роман пришёл за десять минут. В руках у него был бумажный пакет. Он поставил его на соседний стул, не пытаясь вручить.

— Я принёс твою зарядку. Ты оставила.

— Спасибо.

Официантка подала меню. Кира заказала чай. Роман — кофе без сахара. После этого тишина сделалась почти удобной: по крайней мере, оба знали, что сказать первыми необходимо, а кому — неизвестно.

— Я хочу начать не с Вари, — сказала Кира.

Роман посмотрел с тревогой.

— Я собиралась уйти ещё до того вечера. Я сняла квартиру. Не потому, что узнала о дочери, а потому, что полгода назад поняла: мы живём рядом, как соседи, которые делят оплату коммунальных услуг.

— Я думал, у нас просто сложный период.

— Ты так говорил и три года назад.

— Потому что последние годы правда были сложными. Новый контракт, реорганизация…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.